

В. Г. Белинский

**Сын жены моей... Сочинение
Поля де Кока...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сын жены моей... Сочинение Поля де Кока...

«...Передо мной лежит роман Поль де Кока «Сын моей жены», перелистываю его с расстановкою и трепещу при мысли, что это подлое и гадкое произведение может быть прочтено мальчиком, девочкою и девушкою; трепещу при мысли, что Поль де Кок почти весь переведен на русский язык и читается с услаждением всею Россиею!..»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Сын жены моей... Сочинение
Поля де Кока...**

*СЫН ЖЕНЫ МОЕЙ. Роман. Сочинение
Поль де Кока. Перевод с французского.
Санкт-Петербург. В типографии К.
Вингебера. 1835. Две части: I – 230; II –
210. (12). С эпиграфом:*

*Casu magis et felicitate rem gessit quam
virtute et consilio[1].*

«Э то сочинение хорошо, но только безнравственно; а это и хорошо и отличается чистейшею нравственностью и прекрасным слогом». Так думал и говаривал, бывало, покойник XVIII век, который, как всем известно и ведомо, сам отличался чистейшею нравственностью и в делах и в помыслах. «Как безнравственна юная французская литература! Нельзя ничего дать прочесть молодому человеку, не говоря уже о девушке и даже всякой женщине!» Так вопиют ныне почтенные развалины почтенного XVIII века, обломки доброго старого времени. «Нравственность в литературе!» Да – это вопрос, и вопрос глубокий, многосложный, на который француз может написать два томика в двенадцатую долю, а немец двенадцать томов in quarto[2]. Не почитая себя способным ни к тому, ни к другому труду, я постараюсь в легкой журнальной статейке бросить взгляд на «нравственность в литературе».

На языке человеческого есть слова, которые люди повторяют, не вникая в их значение, не условливаясь в их смысле, повторяют и сердятся, когда кто-нибудь осмелится ска-

зять: «Да что же это такое, милостивые государи?» К числу таких странных слов принадлежит «нравственность вообще» и «нравственность в литературе». Древние передали нам в изящных формах кровавую историю Эдипа и фамилии Атридов, историю, полную мрачных злодейств, возмутительных преступлений, как-то: отцеубийства, братоубийства, мужеубийства, кровосмешения{1}, и блюстители нравственности находили тут бездну нравственности; потом, писатели, появившиеся в конце XVIII и начале XIX века, начали изображать жизнь во всей ее ужасающей наготе и истине, и хотя они, в ужасном, далеко не превзошли древних, но блюстители нравственности оглушающим хором заревели против безнравственности новейших писателей. Воля ваша, а тут есть недоразумение. Кажется, все дело в том, что дурно условились в значении слова «нравственность».

Что такое нравственность? В чем должна состоять нравственность? – В твердом, глубоком убеждении, в пламенной, непоколебимой вере в достоинство человека, в его высокое назначение. Это убеждение, эта вера есть

источник всех человеческих добродетелей, всех действий. Если я твердо убежден в том, что мир обширная торговая площадь, где люди обманом, и мытьем и катаньем, выторговывают друг у друга тепленькое местечко, где бы можно было и поесть сладко, и соснуть мягко, и погулять весело, площадь, на которой всякий думает только о своих барышах и почитает позволительными все средства к достижению своей цели, и между тем повторяет общие места морали, не веря им, – то скажите, бога ради, зачем же я должен быть добрым, честным, великодушным, зачем осужу я себя на лишения, на страдания, когда могу наслаждаться благами жизни? Я был бы, в таком случае, очень глуп, не правда ли? – Разве из страха угрызений совести? Но зачем же мне и злодействовать, зачем губить ближнего? Я буду только обманывать его, заставляя его служить мне, предоставляя и ему какие-нибудь выгоды, но только помня твердо, что своя рубашка к телу ближе, и, видя зло, угнетения, неправосудие, не вмешиваться не в свои дела, если меня не трогают. Так и думал XVIII век. Все писали и говорили о нрав-

ственности, и ни в ком не было нравственности, ибо никто не верил достоинству человека, великости его назначения.

Но ежели я верю, что я должен дать отчет в моей жизни, должен употребить ее на святой подвиг, как завещал это нам распятый за нас, – я могу и в таком случае заниматься мелочами жизни, быть пустым, даже злым человеком, но уже прости, счастье жизни, оно невозможно для меня, прости, счастливое самодовольство, я уже не могу обмануть себя. Так думает XIX век, ибо он, если еще не вполне уверился, то уже начинает верить в достоинство человека, в великость его назначения.

Весьма нетрудно приложить это понятие о «нравственности вообще» к «нравственности в литературе». Какое мне дело, что в романе или драме добродетельный погибает, а порочный торжествует? Если добродетельный боится пасть за правду, если он ропщет на провидение за то, что оно попускает торжествовать над ним пороку, он уже не добродетелен: он поденщик, просящий платы за труды, он любит добро не для добра, а из желания награды. Нет, если он добродетелен истинно, то

благодари провидение за бедствие, лобызай карающую руку. Если во мне есть чувство добра, меня не испугает зрелище ужасов и страданий, вопль проклятий и богохулений, представляемых мне Евгением Сю, Бальзаком, Лакруа и другими, ибо царство доброго *не от мира сего*{2}.

Вот другое дело литература XVIII века, она не так глубока и ужасна; она, напротив, очень весела и снисходительна к слабостям человеческим, но зато и убийственна для чувства нравственности, соблазнительна и развратна. Эти сцены сладострастия, набросанные игривою кистью с чувством самоуслаждения, эти невинные экивоки, от которых закипает молодая кровь юноши и волнуется грудь девушки, – вот она, вот ядовитая отрава нравов! Это хорошо известно многим, которые, еще бывши детьми, читали философические повести Вольтера, *contes en vers*{3} Лафонтеня, «Кавалера Фобласа»{3} и другие *chefs-d'oeuvres*{4} XVIII века.

Передо мной лежит роман Поль де Кока «Сын моей жены», перелистываю его с расстановкою и трепещу при мысли, что это подлое

и гадкое произведение может быть прочтено мальчиком, девочкою и девушкою; трепещу при мысли, что Поль де Кок почти весь переведен на русский язык и читается с услаждением всею Россиею!.. Боже великий! и есть люди, которые печатно хвалят его и находят его самым нравственнейшим из современных французских писателей, его, грязного осадка от мутной воды XVIII века, его, угодника площадной черни!.. А мы слушаем и верим!.. Слава нам!..

Что такое Поль де Кок? Кто он и откуда? О, это писатель удивительный! Хотите ли иметь понятие о создании и характере его бесчисленных творений? У него, по большей части, герой романа дитя природы, который ничему не учился, не знает даже грамоте и потому свеж, крепок и смел, ест за троих и пьет за десятерых. Надобно еще заметить, что он всегда незаконнорожденный: Поль де Кок сен-симонист! Юность молодца проходит в буянстве, в волокитстве за деревенскими девками, потом он вступает в военную или пускается в путешествие, делая везде известного рода проказы и тысячи пошлых глупостей; потом влюб-

ляется, по незнанию, в родную сестру... делается кровосмесителем... Это самая ужасная катастрофа, которую разрешаются все гордивские узлы романов Поль де Кока, ибо все его герои очень пламенны и нетерпеливы, а он сам имеет свои собственные понятия о блаженстве любви... Наконец, дело как-нибудь улаживается, выходит, что обещанная не сестра молодцу и что он почитал ее сестрою по ошибке, и роман оканчивается счастьем, то есть свадьбою и богатством, и, следовательно, «нравственно». Для полноты картины выведен какой-нибудь гусар, пьяница, буян и волокита на старости лет; на сцене беспрестанно мужики, обманываемые женами, трактиры, кабаки и т. д. Вот вам Поль де Кок!

В рассматриваемом мною романе Поль де Кок превзошел самого себя в пошлости и безнравственности; это самое худшее из его произведений^{4}. Перевод я сначала почел московским и очень удивился, когда, выписывая его заглавие со всеми библиографическими подробностями, увидел: «С.-Петербург». Перевод есть истинная *какография* логики, грам-

матики и здравого смысла. Не выписываю фраз, ибо не могу решиться выбором.

Сноски

1

Дела вершатся больше случайностью и удачей, чем хорошими качествами и предусмотрительностью (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

в четвертую долю листа (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

3

сказки в стихах (франц.). – Ред.

[^^^]

4

шедевры (франц.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет о древнегреческих мифах, послуживших основой для многих художественных произведений. Эдип, не зная своего происхождения, случайно убивает своего отца, фиванского царя Лая, затем женится на собственной матери. Атрей, враждуя со своим братом Фиестом, убивает его детей. Атриды – потомки Атрея, над которыми тяготеет проклятие за преступление их предка.

[^^^]

2

Евангелие от Иоанна, 18, 36.

[^^^]

3

Речь идет о романе Ж.-Б. Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фоблаза» (тт. 1–13, 1787–1790). Были издания романа на русском языке: «Приключения Шевалье де Фобласа», чч. I–VI. СПб., 1792–1794; «Жизнь кавалера Фоблаза», чч. I–V. М., 1793–1795, и др.

[^^^]

Вскоре после этой рецензии Белинский напечатал рецензию: «Сестра Анна. Сочинение Поль де Кока» («Молва», 1835, № 31–34; Белинский, АН СССР, т. I).

[^^^]

[^^^]